

РОЗА АУСЛЕНДЕР ПредПредисловие

Так случилось, что первым немецкоязычным поэтом, с творчеством которого я познакомился после переезда в Германию, была Роза Ауслендер. Нельзя сказать, чтобы до этого я не был знаком с немецкой поэзией: Гёте и Гейне, Гельдерлин и Гёббель, Лилиенкрон и Мёрике и из «новых»: Бехер и Брехт, Гессе и Гейм, австрийцы Рильке и Тракль, и многие, многие другие. Но тут было нечто иное: столько горя, крови, ужаса, и в то же время мужества, силы и веры в победу света и добра, в будущее, – сколько «вылилось» на меня из стихов Розы Ауслендер...

А может быть, причиной тому было осознание нашей связи, общности наших судеб... – может быть, именно поэтому мне так захотелось попытаться сделать переложения (она писала преимущественно верлибром) её стихов на русский. Может быть...

Я сделал около сотни таких переложений. И буду рад донести мысли и чувства этой замечательной женщины до русскоязычного читателя.

Фото. Роза Ауслендер (Розалия Шерцер).

Роза Ауслендер

Два предисловия

Волею судеб в XX веке за пределами своих стран оказалось большое число поэтов. Так случилось, что творчество многих из них (особенно писавших не на русском языке) плохо известно русскоязычному читателю. В то же время их судьбы, зачастую удивительные и трагические, их опыт, их мудрость могут оказаться небесполезными для представителей новой волны эмиграции, могут помочь легче адаптироваться к новой жизни. Да и людям, живущим в России, как мы надеемся, будет интересно поближе познакомиться с творчеством этих замечательных поэтов. В каждой публикации мы постараемся знакомить Вас со стихами одного из поэтов эмиграции. И начинаем мы эту рубрику с Розы Ауслендер. Но прежде еще одно «предисловие»:

До приезда в Германию я никогда не переводил стихов. Тем не менее, здесь помещены мои “переложения” стихотворений немецких поэтов (правильнее было бы сказать “немецкоязычных”, ибо некоторые из них не были немцами ни по национальности, ни по месту рождения, - но писали на немецком, а многие еще и верлибром). Конечно, как сказал мне как-то один из крупнейших современных западных специалистов по русской словесности профессор Вольфганг Казак, «это авторские стихи на их темы». Но уж очень дороги и близки мне «их темы». В своем решении “пересказывать” их стихи я руководствовался известными строками Бориса Пастернака, обращенными к Паоло Яшвили:

“ Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник “.

Я беру эти строки в качестве эпиграфа и надеюсь, что своими “переложениями” не “испорчу” впечатления от творчества этих прекрасных поэтов. Итак,

Роза Ауслендер (Розалия Шерцер).

Родившаяся в 1901 году под Черновцами, она получила блестящее образование, еще перед войной побывала в Европе, Америке, Палестине. Начало войны застало ее в Черновцах. Гетто, затем годы в подвалах, гибель близких, смерти, варварство. И так до прихода советских войск. Потом эмиграция: Америка, Франция, последние 20 лет в Германии, в Дюссельдорфе, до конца жизни в 1988 году в альтенхайме (доме для престарелых) имени другой поэтессы, ее современницы Нелли Закс.

И все эти годы: стихи, стихи, стихи. И в них ее жизнь. В них наш век. Я не ставлю перед собой целью изложение биографии или разбор творчества поэта. Это лучше меня сделают (и уже сделали, в том числе и на русском, вернее, украинском языке) профессиональные литературоведы и критики. Да и размер журнальной статьи заставляет говорить о главном. А главным для меня является следующее:

Каждый настоящий поэт, насколько я знаю, пишет о себе и для себя (публикация – дело второе, и не всегда главное). Но и каждый читатель волен выбирать в творчестве поэта те темы и те сюжеты, которые ему - читателю представляются наиважнейшими. Так вот для меня в творчестве Розы Ауслендер наиважнейшим является следующее:

1. Ее понимание проблематики Поэт и Слово;
2. Тема Холокоста;
3. Тема Израиля и судьбы еврейского народа;
4. И, наконец, ее философские воззрения.

Конечно, этим не исчерпывается Мир человека и большого поэта Розы Ауслендер. А она была большим поэтом, по-моему, еще недостаточно оцененным. Но для меня перечисленное – главное. И я попытаюсь проиллюстрировать это ее стихами, – вернее, темами ее стихов (насколько я их понял) в моем переложении.

Но начну я не с переложений, а со стихотворения, написанного мной под впечатлением знакомства с ее судьбой и творчеством.

Миры Розы Ауслендер

Я погружаюсь в мир ее стихов,
В мир страшных образов и горьких испытаний,
В мир боли, ужаса, страданий...
Ну что поделаешь, – ведь мир ее таков.

Я погружаюсь в мир ее стихов,
В мир сломанных судеб, теней и мрака,
В мир горьких символов и знаков зодиака...
Ну что поделаешь, – коль мир ее таков.

Я погружаюсь в мир ее стихов,
В мир предвоенных грез, послевоенных бдений,
В мир трудных слов, страданий и борений...
Ну что поделаешь, – ведь мир ее таков.

Я погружаюсь в мир ее стихов,
В мир образов и Босха, и Шагала,

В мир века, с коим жизнь ее совпала.
Ну что поделаешь, – и наш ведь мир таков

Я погружаюсь в мир ее стихов,
В мир женщины, сим веком опаленной.
Стою пред образом ее, – коленопреклоненный.
Мы современники. И этот мир таков.
1999. Дуйсбург. ФРГ.

Итак, Поэт и Слово. Я не знаю ни одного крупного поэта, которого не волновала бы эта проблема, вернее эти проблемы, ибо их здесь, как минимум, две: Поэт и Слово. Иосиф Бродский даже, как явствует из его интервью, обожествлял Слово. Ну и конечно, самоидентификация Поэта, его место в мире, в его Мире. Вот как понимала это поэт Роза Ауслендер.

Я пью свои мгновения
(Ich trinke meine Augenblicke)

Я пью свои мгновения до дна.
Я знаю: это я. От А до Я.

Кто я
(Wer bin ich)

Кто я, когда я не пишу стихов.
Когда грущу – в стихи вся грусть уходит,
Когда я радуюсь, – ко мне стихи приходят.
И кто я, – вне своих стихов...

В ничто
(Ins Nichts)

Я записалась в вечное Ничто
И запись эта, как залог Бессмертья.
Надежда сохраниться после смерти –
Уйти в бессмертное Ничто.

Никто
(Niemand)

Да, я – Король Никто из Никакой страны.
Без паспорта плыву из моря в море.
Мои моря из слез, корабль из горя.
А я – Король Никто из Никакой страны.

Слово
(Das Wort)

*“В начале было Слово
И Слово было у Бога “*

Бог дал нам Слово. Слово было Бог.
В Слова приходим мы. Из Слов уходим.

Без Слов по жизни, как в потемках бродим,
Гадая, что сказать Он мог...

Слово – Слову (Wort an Wort)

Мы живем Слово в Слово. И Слово наш Дом.
Так какие слова мне еще говорить.
Ты скажи: кто твой друг, кто с тобой, кто кругом
И какие слова должен я повторить...

Стихи (Dichten)

Стихи проходят ада семь кругов.
Проходят. Небо видит это,
Благословляет нас и говорит поэтам:
Вам нечего терять. Идите. Путь таков.

Погружение (Untergang)

Корабль наших слов опустился на дно
И новое знание нам было дано.
А звезды? Что звезды! Им с их высоты
Спокойно смотреть в море нашей мечты.

Находка 1 (Finden 1)

Я в вечном поиске. И цель моя – слова.
Я их ищу везде, не потерять стараюсь,
С людьми делиться ими я пытаюсь...
Пока я нахожу их, – я жива.

В чуде (слов) (Im Wunder)

В словесных джунглях заблудилась я
И в чуде слов вновь обрела себя.

Желание (Wunsch)

Я часто думаю как много слов
Мы потеряли в этой жизни.
Но те слова, что ты познал в Отчизне,
К тебе приходят вновь и вновь.

И эти редкие слова
Объединяют нас как руки.

И я тебе сквозь даль разлуки
Готова протянуть заветные слова.

Согласование (Abstimmen)

Вот слово, что не выпущено в речь.
А сколько слов истрачено напрасно.
Слова. Слова.
Я и остаток слов отдать согласна.
Но с кем согласовать,
что тратить, что беречь.

Кристалл (Kristall)

Ты ювелир. И слово – твой резец.
А стих – кристалл. И ты его творишь.
И если ты невнятно говоришь, –
Молчи, не оскорбляй поделкою резец.

Оставьте нас такими, как мы есть

Оставьте нас такими, как мы есть:
Кудесниками слов, поэтами, творцами.
Пусть все, что скажем мы, мы скажем сами.
Оставьте нас такими, как мы есть.

Иудаизм, еврейство, судьба Израиля, судьба евреев в мире – эти темы постоянно проходят в творчестве Розы Ауслендер. Я уже писал, что еще молодой женщиной до начала войны она побывала в Палестине. Но после Войны и Холокоста эти темы постоянно присутствуют в ее поэзии, перемежаясь с видениями-воспоминаниями об утерянных близких, об утерянном доме, об утерянном мире.

Потусторонний мир 11 (Jenseits 11)

Мне снилось: иду я к запретной границе.
Но я не иду, – это только мне снится.
Ведь кто-то здесь шел, – я же вижу следы.
Шагни ему вслед, – в том не будет беды.

Но нет, есть запрет, – тот запрет для меня.
То Ангел прошел с Книгой Судного дня.
Ее никому не дано прочитать.
И Бог уж поставил на Книге Печать.

Кровотечение (Bluten)

Когда глядится ночь в мое окно,
И в звездном я плыву вагоне,
В какой-то фантастической погоне
За мною гонится видение одно.

В кровавом мареве проносится Земля,
Я вижу сонмища влекомых в печи Ада
Я не хочу туда! Нет, мне туда не надо!
Но мой вагон летит туда..., туда...

Хаос (Wirrwarr)

Пытаюсь себя обмануть
И Хаос Порядком представить,
На жизнь по-иному взглянуть
И в счастье поверить заставить.

Но слышу голодных детей
И вижу солдат обреченных...
И вера в порядок вещей
Уносится в Хаос бездонный.

Я только знаю (Ich weiss nur)

Чего хочу я, – спрашиваешь ты?
Но я не знаю. Право, я не знаю...
Я знаю лишь, что я мечтаю...
И жизнь моя – мои мечты...

Я человек. И Тысячи смертей
Во мне живут. Живут. Я это знаю.
И я всю тысячу прожить мечтаю...
Но знаю, – нет мечты бессмысленной моей...

Ключ – 1 вариант (Der Schlüssel)

Где ключ от дома, в коем я живу?
Язык – мой дом, а ключ от дома – слово.
В безмолвии я тысячу дверей открыть готова.
Я за ключом иду – во сне и наяву.

Ключ – 2 вариант (Der Schlüssel)

Мой дом имеет тысячу дверей
И путь лежит от двери к двери
За дверью слышу эхо голосов. И верю,
Что слово-ключ найду за тысячью дверей

Чужие (Fremde)

Плывем на корабле без флагов и руля.
Везде чужие мы. И море нам – Земля.
Мы граждане Воды. И только среди волн
Мы дома у себя. Наш дом водою полн.

Мы привыкаем к морю. И не странно,
Что капитан у нас – Фата-Моргана.
Плывем по морю мы без флагов и руля.
И все же ждем, – когда покажется Земля.

Мой ключ (Mein Schlüssel)

Вот ключ от дома. Ну, а дома нет.
Иду с ключом своим от дома к дому.
Где слесарь, с тем ключом знакомый?
Но нет его, – ведет к могиле след.

Мое дыхание

В моих глубоких снах – из крови росы,
Сменяются звезды мне в глаза.
И на простые детские вопросы
Ответить просто так нельзя.

Из прошлого я вся. И в будущем, наверно,
Все, что во мне, наследует меня.
Но знаю я, – и это достоверно:
Мое дыхание сегодня – это я.

Среди акул (Zwischen Haien)

Корабль наш плывет среди сонмища акул
Плывет к земле, – к Земле Обетованной.
Мы ждем ее, – далекой и желанной,
Чтоб сгинул этот страшный караул.

Ангел-хранитель (Schutzengel)

Господь составил Список, проставил имена.
Как будто бы по пашне рассыпал семена.
Но Ангел разоспался в оливковом саду
И зерна затерялись... Живущим на беду.

Королевская бедность (Koniglich arm)

Да, беден мой язык и окровавлен рот
Но Слово я шепчу разбитыми губами.
Безмолвно бродит смерть меж нами.
И воскресает в Слове мой Народ.

**Ручаюсь (“Я устояла”)
(Ich stehe ein)**

Я шла с моим народом по пустыне.
Вода и манна были нам даны.
Но выпиты и съедены они.
Все кончилось. Нет ничего отныне

Как от оазиса к оазису бреду,
От слова к слову я скитаюсь.
Я устояла! Словом я питаюсь.
С ним побеждаю горе и нужду.

**Феникс
(Phoenix)**

Как феникс, мой народ, что был сожжен, – воскрес.
В стране, где Соломона песнь и померанец.
Но горек мед от пчел, чей ритуальный танец
Свершается в дыму от факелов, что у Стены чудес.

И через все эти годы раздумья: о людях, о жизни, о мире, о себе в этом мире...

**Люди
(Die Menschen)**

Земля светла – то свет сердец людских
Ей освещает путь в космическом пространстве.
И Человечество в торжественном убранстве
Встречает Гениев своих.

**Большак (магистраль, большая дорога),
(Landstrasse)**

Как широка проезжая дорога,
Несущая следы прошедших здесь людей:
Прошел здесь гений и злодей...
И через тысячи проломанных дверей
Проходит страшная дорога.

**Не торопись
(Nicht fertig werden)**

Не торопись до срока умирать.
Удары сердца не считай со страхом.
Позволь дельфинам танцевать.

Попробуй жизнь прожить с размахом.

Прислушайся к тому, что дал нам Бах.
К Толстому обратись, коль сможешь.
Не проводи всю жизнь в стенаньях и мольбах.
Живи взахлеб, – и тем другим поможешь.

Не торопись до срока умирать.

На здоровье – 1 вариант (Le Chaim)

Входи, располагайся, Агасфер!
Забудь, что за тобою стаей волки.
Входи в субботнюю распахнутую дверь.
Снег отряхни, стряхни иголки.
Мы счастливы, что с нами ты теперь.
Входи, мой брат. Лехаим, Агасфер!

На здоровье – 2 вариант (Le Chaim)

Входи, располагайся, Агасфер!
Забудь, что за тобою стаей волки.
Входи в субботнюю распахнутую дверь.
Садись, мой брат. Лехаим, Агасфер!

Оракул (Orakel)

Когда приходит наш черед,
Нам неизвестно, – Рок не сообщает.
Он голубя с известьем присылает.
Вот голубь вьется у твоих ворот,
Но он молчит – он не откроет рот.
Он лишь литанию читает.
Возможно, это твой пришел черед.

Милостыня (Almosen)

От дома к дому я бреду
И подаяния прошу, как нищий, –
Хлеб слов давно моей стал пищей.
Он мне приносит счастье и беду.

Прошу лишь милостыни я.
В ответ мне только смех несется.
В мою суму лишь снег кладется
И тает в сумке у меня.

Секунда

(Sekunde)

Как долго может ждать ответа человек:
Секунду, вечность, время, век?

Но я знаю – 1 вариант

Кем была я до жизни:
Звездой, мотыльком или деревом?
Не помню.
Но знаю:
Дыханьем вечности
Была я и буду всегда.

Но я знаю – 2 вариант

Кем была я до жизни - не помню:
Мотылек или дерево, иль яркая в небе звезда.
Но я знаю, что есть и была, и пребуду
Лишь дыханием вечности – ныне и присно,
– Всегда.

И, наконец:

С Гулливером (Mit Gulliver)

Как лилипут в руках у великана Гулливера,
Так я у времени в сомнительных руках.
Оно несет меня сквозь радость и сквозь страх.
Я лепечу, – в судьбу, как в сказку, веря и не веря.

Можно еще цитировать и цитировать. Но мне представляется необходимым показать (вернее, попытаться показать) мир последних лет поэта, этот мир в четырех стенах альтенхайма:

Одиночество 11 (Einsamkeit 11)

Свершилось предсказание цыганки: покинут отчий дом,
И горький диалог ведешь ты онемевшими губами,
И нет родных и близких между нами,
И одиночество, и тишина кругом.

Не готова (Nicht fertig)

Я не готова узнавать себя
В чужом и странном зеркале окна.
Приходит темнота и я опять одна...
Я не готова узнавать себя.

Тени в зеркале

(Schatten im Spiegel)

Я в зеркало гляжу, – там тысячи теней.
Я оторвать от них не смею взгляда.
Я спрашиваю – кто Вы, что мне сделать надо?
Ответ, – мы тени непогашенных огней.

Ресницей – зеркала задергиваю глаз.
Но тени здесь, они вокруг. И в нас.

Вечер (Abend)

Опять вдоль окон возникают тени,
Похитившие время у меня
И вместе с ним укравшие тебя.
В отчаянье сажу я, обхватив колени.

Мне кажется, ты рядом, за окном.
Лишь руку протяни – соприкоснемся.
Увы, к былому мы с тобою не вернемся.
Вломились воры в этот бедный дом...

Мне не хотелось бы завершать этот очерк-эссе на такой ноте. Тем более, что Роза Ауслендер оставила много замечательных стихотворений, добрых, теплых, лучистых. Вот, например, т.н. «Шагаловский триптих» – три зарисовки, сделанные в разное время, но объединенные и адресатом, и как мне кажется, чувством:

Шагал (Chagall)

Над крышей ночи, обнимая скрипку,
Плывет ... над спящими фронтонами домов.
Цветов гирлянды, в полудреме зыбкой
Стада пасутся голубых коров,

И облако-балкон. А на балконе
Его невеста в голубом свету...
Плывет Шагал за ней по небосклону
И вечно любит он невесту ту.

Шагаловское (Chagallisch)

Старик-еврей о сыне молит Бога.
Местечко спит, укрывшись тишиной.
В местечке жизнь уныла и убога.
А сын парит со скрипкой под луной.

Балкон из тучи сделал он для милой,

В цветы ее укутал, как в меха.
И вот парят они над нищетой постылой
Любить невесте вечно жениха...

В местечке Шагала (Im Chagall-Dorf)

Косых окошек ряд уходит к горизонту,
Колодцу снится блеск кошачьих глаз,
На крыше ветер обвевает гонту
Все это видано, и видано не раз...

Но нет!

На крыше между спелых вишен
Старик играет: скрипка плачет и поет
А в небе: выше, выше, выше
Невеста как луна плывет.

В мечтах Шагала над местечком
Коровы в голубых плывут лучах.
А волки золотые возле речки
Ягнят пасут на сказочных лугах.

И, наконец, вот это стихотворение. Я его просто очень люблю...

Натюрморт (“Тихая жизнь”) (Stilleben)

Полночный свет померк, едва дрожа,
Уснули фрукты на фаянсовой тарелке,
Блеск спит на лезвии столового ножа,
И тени, все скакавшие, как белки,
Затихли, на паркете возлежа.
Неслышно дышит воздух...

Так получилось, что после почти десяти лет, прошедших со времени моей работы над переложениями стихотворений Розы Ауслендер, я вновь вернулся к ней, к её стихам. Вероятно, это стремление жило во мне ещё с тех пор: я собирал сведения о ней, читал её стихи, думал. И вот это случилось.

Не знаю, насколько эти мои переложения отличаются от предыдущих. И отличаются ли. Скорее всего, да, – ибо я изменился. Изменилось и моё мировосприятие. Должны были измениться и стихи. Я пишу об этом, ибо помню слова, сказанные мне когда-то Вольфгангом Казаком как раз о моих переложениях: «Это Ваши стихи на их темы». Вероятно, он был прав. Но темы-то «их» – этих замечательных поэтов недавнего прошлого. И большое им спасибо за «их темы», за возможность войти в их непростой и такой трагический мир. Вечная им память и наша благодарность.

Ниагарский водопад III (Niagara Falls III)

Три радуги, как три клинка,

Вонзились в воду, – но жива река.

Река несёт, как грузчик, бремя,
И вниз бросает воду – время.

Переложение выполнено: Дуйсбург, 8.09.2010 г.

Иерусалим (Jerusalem)

Иерусалим – мечта и дымка –
Плывёт по небу шалью голубой.
Качели-шаль: я здесь, с тобой, –
Как у Шагала, мы летим в обнимку.

Иерусалим! Ты стар и молод,
Твои холмы в святом благоуханье.
Пять тысяч лет мы, затаив дыханье,
Раскачиваем время – молот.
Переложение выполнено: Дуйсбург, 8.09.2010 г.

Старая цыганка (Alte Zigeunerin)

В её чёрных глазах было что-то такое,
Что мешало мне жить, что по миру гнало.
Я бежала по миру, не зная покоя,
Но от ужасов гетто оно не спасло.

И её не спасло от воды этой чёрной.
Лихорадка истории – наша судьба.
Крематориев дым, – сладковатый, тлетворный...
Что, скажи мне, тебе принесла ворожба?
Переложение выполнено: Дуйсбург, 8.09.2010 г.

Слова будто дождь (Regenwörter)

Переполюсь, словно дождь, словами,
Я в маки изливаю их.
Багряные уста глотают стих.
И делятся словами с вами.
Переложение выполнено: Дуйсбург, 9.09.2010 г.

Братья (Brüder)

Мы братья на земле, мы древний род.
Живём к кругу, исполненном углов.
На нём наклейка из заветных слов:
Мы братья – вечности народ.
Переложение выполнено: Дуйсбург, 9.09.2010 г.

Знаю лишь
(Ich Weiss nur)

Чего хочу? Не знаю я.
Я знаю лишь, что в мире слов живу.
В поэзии парю во сне и наяву.
И знаю, – в этом жизнь моя.

Я знаю, что люблю людей и море,
Люблю сады и горы я.
Во мне живёт моя усопшая семья.
В себе несу людское горе.

Я пью мгновения свои.
Мгновенье – «времени игра».
Взмах между «завтра» и «вчера».
Мгновенья – дни: твои, мои.
Переложение выполнено: Дуйсбург, 10.09.2010 г.

Сможем расти
(Wachsen dürfen)

Придумаем остров в пространстве из вод,
И радугу-небо над ним – небосвод.

Любовь V
(Liebe V)

Мы вновь войдём в то озеро – любовь:
Я – лотос, ты – вода, в которой я живу.
Я пью тебя во сне и наяву.
Мы жаждем оба вновь и вновь.

И даже звёзд немеркнущих глаза,
Узрев, что нам удалось распрямить
В клубок любви свернувшуюся нить,
Смеясь, с небес нам просигналит: за!

И, может быть, хоть в этот раз
Сквозь частокол ужасных вех
Мы возвратимся на глазах у всех
В мечту, избравшую когда-то нас.
Переложение выполнено: Дуйсбург, 10.09.2010 г.

Самое прекрасное
(Das Schönste)

Я убегаю в твой шатёр – любовь,
Где дышит лес, склоняется трава.
Любовь прекрасна и всегда права.
Я понимаю это вновь и вновь.
Переложение выполнено: Дуйсбург, 10.09.2010 г.

Не считай II (Zähl nicht II)

Зачем считать часы, что прожил на земле?
Они и так спешат сложиться в годы.
В них наши радости, надежды и невзгоды.
Но весь наш век – лишь искорка во мгле.
Переложение выполнено: Дуйсбург, 12.09.2010 г.

Кто (Wer)

Кто вспомнит обо мне, когда в урочный час
Покину этот свет и упокоюсь в мире?
Друзья, сойдясь в уже пустой квартире,
Меня помянут, но увы, в последний раз.

Забудут птицы, коих я кормлю;
Деревья, – под моим окном;
Забудет парк – мой Окоём;
Забудут все, – кого люблю...
Переложение выполнено: Дуйсбург, 13.09.2010 г.

Расставание (Trennung)

Ты расстаёшься с птицами, с цветами,
С жильём, что сделал ты своим,
С родными, – всё оставив им,
С создавшими тебя словами.

Ты расстаёшься с собственной тенью,
Всю жизнь следившей за тобой.
Ты расстаёшься со своей судьбой,
С полями своего цветенья.

И лишь земля, дитя своё любя,
Безмолвно примет нас в себя...
Переложение выполнено: Дуйсбург, 13.09.2010 г.

Завершая этот очерк-подборку, я хотел бы еще раз повторить, что приведенные мной стихи являются авторскими переложениями и, естественно, поэт Роза Ауслендер не несет никакой ответственности за их качество. Разве что – за темы этих переложений. Да и то в той мере, в какой я их понял.

Я начал эту статью своим стихотворением, посвященным Розе Ауслендер. И завершить ее (статью) хочу стихотворением, посвященным ей и ее младшей современнице Анне Франк.

Анна и Роза

*Памяти Анны Франк
и Розы Ауслендер*

Маленькая девочка
 в черном Амстердаме,
Женщина, опущенная
 в черновицкий мрак,
Что объединяет Вас,
 что сближает с нами?
Ужас пережитого,
 вековечный страх.

Жизнь еще не начата,
 жизнь еще не прожита.
Что-то с нами сбудется,
 что нас ждет потом?
Жизнь еще не начата,
 но уже растоптана
Горькою судьбою,
 вражьим сапогом.

Ты осталась девочкой,
 ты осталась жертвою,
Ты осталась символом
 в памяти людей.
Мне иное выпало,
 мне иное дадено,
Мне скитаться мёртвою
 среди живых огней.

Девочка и женщина, –
 – обе мы из прошлого,
Обе мы взываем
 к памяти людей
То, что не сказала ты,
 мне сказать завещано.
Поручил сказать мне
 век наш – лиходей.

Девочка и женщина, –
 судьбы очень схожи,
Судьбы очень розны, –
 – жизнь так подвела.
Но сквозь страх и ужас, –
 – это воля Божья, –
Маленькая Анна
 Розой проросла.

1998. Дуйсбург. ФРГ